Москва

8
2015

Журнал русской культуры

Выходит с марта 1957 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:
Союз писателей России
Российский Фонд Мира
Трудовой коллектив
журнала «Москва»

16+

8
2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Вера КУЗЬМИНА. **Живет страна…** *Стихи* 3
Андрей МОЛЧАНОВ. **Форпост.** *Роман* 13
Ярослав КАУРОВ. **Простые труды**... *Стихи* 99
Александр КОНДРАШОВ. **Николина Гора и Лобня.** *Рассказ* 102
Литературное объединение «Огни Москвы»: Григорий ГОРНОВ, Елена ФЕЛЬДМАН, Александра СНЕГ, Галина ДМИТРИЕВА, Клементина ШИРШОВА, Екатерина РАТНИКОВА, Наталья БАЕВА, Василиса КОВАЛЕВА. *Стихи* 129
Юрий ПОКЛАД. **Хэллоуин.** *Рассказ* 137

ПУБЛИЦИСТИКА

Константин ЗАЛЕССКИЙ. **Полководческое искусство генерала Н.Н. Юденича** 144

КУЛЬТУРА

Всеволод ТРОИЦКИЙ. **Вечный свет русского слова** 155
Виктор БОЧЕНКОВ. **«Что это было — терпение наше? Мудрость…»** 165
Николай КАЛЯГИН. **Чтения о русской поэзии.** *Чтение десятое. Окончание* 171
Антология одного стихотворения. **Случевский Константин Константинович** 195

РУССКИЕ СУДЬБЫ

Елена НАУМОВА. **Четверо из семьи Ермаковых.** *Художественно-документальная повесть* 200

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Дневник К.Р. 1909 года 211

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

Алексей МИНКИН. **О московских католиках и не только…** 231

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

Протоиерей Алексей ЧАПЛИН. **О святой обязанности православных христиан применять силу для защиты святынь и храмов от посягательств врагов веры** 235

Главный редактор В.В. АРТЕМОВ (495) 691-71-10

Генеральный директор В.В. КОВАЛЕВ (495) 691-83-91

Ответственный секретарь О.И. КИРЕЕНКО (495) 691-83-64
Отдел прозы и поэзии Т.А. НЕРЕТИНА (495) 691-68-01
Отдел культуры О.Ю. ТАРАНЕНКО (495) 691-68-01
Домашняя церковь С.И. НОСЕНКО (495) 691-68-01

Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (495) 691-83-84
Заведующая редакцией М.В. БИКАШОВА (495) 691-71-10
Корректор О.И. ИВАНОВА
Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА

Общественный совет:
игумен ЕВФИМИЙ (МОИСЕЕВ), П.Н. КРАСНОВ, В.Н. КРУПИН, В.А. КУЛЬЧИЦКИЙ, П.В. МУЛЬТАТУЛИ, А.С. САЛУЦКИЙ, М.Б. СМОЛИН (председатель), архимандрит ТИХОН (ШЕВКУНОВ), И.Р. ШАФАРЕВИЧ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Отклоненные рукописи сохраняются в течение года. Рукописи, присланные по электронной почте, не рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции. Журнал не публикует поэмы, либретто и сценарии.

Подписано в печать 23.07.15. Формат 70x108 1/16. Бумага типографская № 2. Печать офсетная.
Тираж 1480 экз. Заказ 3949.

Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации

Подписные индексы: 73253 — каталог РОСПЕЧАТЬ, **15612** — «Пресса России», **45211** — каталог «МАП».

Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.

Электронная версия журнала: www.moskvam.ru

e-mail: priem@moskvam.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография» Филиал «Чеховский Печатный Двор». 142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1. Сайт: www.chpd.ru; e-mail: sales@chpk.ru, 8(495) 988-63-87.

ISSN 0131–2332

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Москва» № 8, 2015

ЖИВЕТ СТРАНА...

* * *

Дедо Митя из теплого Львова, к нам заброшенный дурой-войной,
чернобривый, пузатый, здоровый, все тетёшкал, возился со мной.
Пел про мисячну ночь, Кармелюка, говорил про слепых кобзарей,
про Покров и Наташку — подлюка, целовалась с другим на заре.
И слова зацеплялись за Слово, чтобы петь, оставаться и жечь, —
колокольная русская мова, украинская хлебная речь.
Знать бы, что за отчаянный жулик все украл, и понять, почему
дым козацких обкуренных люлек затерялся в майданном дыму?
Шибко рана болит ножевая: на ножи москалей, на ножи.
Дедо Митя, москальку сховаешь? Не сховаешь, так ножик держи.
Режь под корень пацанку-рябину возле русских тесовых ворот...
И куда ж ты ушла, Украина? Ще не вмерла? А кто разберет!

* * *

Шли в сорок пятом по домам солдаты.
Поспать бы... вон хозяйка рубит жердь...
И был ночлег случайным, как когда-то,
Два месяца назад, случайна смерть.
Топила баню, щурилась от дыма.
Две стопки наливала: «Будь здоров...
Война, война, разлучница голима,
Полсотни баб да восемь мужиков,

Вера Александровна Кузьмина родилась в г. Каменске-Уральском Свердловской области. Окончила Каменск-Уральский медицинский колледж. Работает фельдшером в городской больнице.

Стихи печатались в журнале «Наш современник». В 2014 году вышла ее книга «Медицина здесь бессильна» (литературный псевдоним — Веник Каменский).

Живет в г. Каменске-Уральском.

И те старее лапотной подошвы...
Тебе, служивый, сколько? Пятьдесят?
Родить бы Ваньку — скоро ты уйдешь ведь.
Неуж не пожалеешь, слышь, солдат?»
Слегка тянуло холодом от пола
И запахом соломенной трухи.
В углу закрыл глаза святой Никола:
Ничё я не видал, каки грехи?
Вздыхал огонь, в беленой печке шаял,
В жестянке «ванька мокрый» тихо чах.
Страна лежала — сильная, большая,
Со скомканной Европой в головах.
Не кончилась страна: деревни, чащи,
Москва, глаза Ванюшек и Марусь...
Крестили бабы спины уходящих,
А в теплых животах —
Толкалась Русь.

* * *

Спасибо, мужики, за крепдешин с получки,
За снятый шарф — бери, не рыпайся в мороз.
За то, что после ссор вы не искали лучших,
А если было что, так это не всерьез.
Спасибо за цветы, которых не просили,
Но ждали мы от вас. За принесенный чай.
За Курскую дугу. За холод пересылок,
Когда хрипели: «Слышь, Танюхе передай...»
За строгость: «Не дури». За твердость: «Или — или».
Презрение к ворам, к ворованным вещам.
Спасибо, мужики, за то, что нас хранили,
Когда и Сам Господь хранить не обещал.
Спасибо вам за все. За горечь. За надежду.
За прожитую жизнь и проведенный час.
Пусть многое в грязи, и это неизбежно —
Спасибо, мужики. Мы кончимся без вас.

* * *

Обещались Марат и веснушчатый Севочка
После смены прийти потусить без балды,
И гуляют хорошие русские девочки
Главной улицей тихой Сысерти-Тавды.
Тополиные клювики, семечки лусканы,
Золотистые фантики, надпись «Нуга»,
Каблучки-то китайские, ножки-то русские,
До вокзала осталось четыре шага.
Знать бы, сколько шагов до счастливого случая...
«Познакомимся, девочки?» — «Мальчик, иди...»
Гладят девочки спину Ходынке замученной
И Сенатскую греют на слабой груди.

Мужики-то заварят, а бабам расхлебывать
Мерзлоту да похлебку снегов и дождей.
Ходят девочки в праздничной лаковой обуви
Вдоль по улицам имени всяких вождей.
Поправляют височки и челочки девочки:
«Знаешь, Маша, а Гуля купила парик...»
Не явились Марат и веснушчатый Севочка —
Что ж, пора по домам, в привокзальный тупик...

* * *

А ты не виноват — не смог принять
Тесовых крыш и дядькиных наколок,
Пощечин в сенках выпившим парням
И доброго угодника Николу.
Не жду. Но тяжелей течет Исеть,
Еранка вянет, блин печется комом.
Что не срослось, тому всегда болеть —
Как переломам...

* * *

Июнь. Уже тепло и сухо,
Прошли дожди, засохла грязь.
Выходят бабы и старухи
Из церкви, истово крестясь:
От силы полтора десятка,
А мужиков-то — два попа...
Жисть под конец жевать несладко,
Не мед — березова щепа.
— Ой, чё же ты меня покинул?
— А что дралися, Мань, — ничё?
Он тубареткой прямо в спину,
Ты на башку ему харчо?
Что пил да шлялся к рыжей Верке?
— Да я ж его ругала — вот...
Тогда приходят бабы в церковь,
Когда мужей земля берет.
— Хоть пил — купил пальто да бусы,
Чё ж воевала я с тобой... —
И одинокой бабой с флюсом
Висит луна за Барабой...
Кресты, платки, глаза косые
И, как всегда, «ничё» да «чё»...
Любовь далекая в России,
А смерть хватает за плечо.
Кто повстречается — поддаты
И этим счастливы вполне,
И вечно двое виноваты —
В любви, разлуке и войне.

* * *

В Старом Каменске топят печи,
Дым летит в Таборы, в Сысерть.
Утверждают, что время лечит.
Врут, наверное, — только смерть.
Отпустила, иди. Но все же
Веки щиплет каленый дым:
Где-то бродит в тумане ежик,
Тот, который не стал моим,
Потому что мое — не сроки,
А морошковые срока,
Черный ворон, да две сороки,
Да в чекушке на полглотка.
Непростым да негладким — вечно
Вместо туфель носить пимы...
В Старом Каменске топят печи,
Над Россией стоят дымы —
Над Россией, в которой ежик,
Лисы, лошади, воронье...
Боль на дым из трубы похожа:
Никуда не девать ее.

* * *

Анна с Вороньжи — счастье бабайка стырил, — бабкина мама,
значит, прабабка мне...
Были у ней подарки — за жизнь четыре, — это Вороньжа,
не в романе, не в кине.
Первый: Терентий, батя, привез лошадку, пряничный хвостик,
сахарное седло.
Вплоть до Святой субботы казалось сладко, звонко, подковно,
яблочно и светло.
Был и второй: обручально кольцо от Гриши. Баяли бабы: шибко
на водку лих.
Как же не выйти — пропили... плачь потише... в сорок втором
обменяла кольцо на жмых.
В пальцах сведенных — глянцевый хмель крушины, редькины
думки, мох в избяных пазах.
Третий подарок — шаль от вдовца Ишима. Сватался, мать сказала:
не наш, казах.
Шаль отдала обратно, Ишим скуластый сжег на Исети молча
свою любовь.
Целую ночь в проулке раскосо шастал, утром уехал — баяли, что
в Азов.
Был и четвертый дар, и никто не отнял: черное солнце в небе
сосновых стен.
Черные круглые солнца — десятки, сотни. В Каменске было шесть
или, может, семь.
Радио дочке выдал начальник Саша, слушала Анна-Аннушка,
не дыша:
«Вот бы их видно было! Поют да пляшут... будто водички в засуху —
из ковша,

будто по сердцу гладят — тепло, утешно. Вот бы их видно было!
Сапог, рука...»
Так и ушла — под песни во тьме кромешной. Короток век —
а Родина велика.
Греет Вороньжу солнце свечным огарком. Анна ушла, а Родина
все жива.
Короток век... плывут в облаках подарки: кольца, платки,
свидетельства и слова.
Короток век... Господь в драгоценной ризе, в мирре и золоте тихо
шепнет Петру:
«Анне с Вороньжи завтра же — телевизор... Кем не положено?
Чтоб привезли к утру».

* * *

Что же — брошена? Не первая, двадцать пятая небось.
Трудно дуру сделать стервою — постепенно удалось.
Виноватым не бываешь ты. Как всегда, на мне вина.
Я б тебе связала варежки — не нужны они: весна.
Я бы — солнышком над крышами, да тебе и так светло.
Клин-то клином можно вышибить — брызнут щепочки в стекло.
Ох, дрова бы надо высушить, слезы льют из-под коры.
Строит глазки мне Идрисушка из поселка Таборы.
Что, Идрис, наверно, выживем? Ну, за это — пей до дна...
Дома ждет Идриса рыжего надоевшая жена.
Что скривилось, то не выровнять — ты терпи: сыночку шесть.
Допивай свою «Немировку», провожу за переезд.
Не оставлю спать — не гадина, и заточкой не пужай:
Не сынок бы — может, сладилось... вон автобус, поезжай.
Что же, брошена. Остыну ли, горе смоет ли вода?
Ты, Идрис, не клин, а клинышек, да и вбитый не туда.
Отвлекусь — белье замочено, надо красить в гараже.
Хоть реву — не встану в очередь. Настоялася уже.
Сахар в миску — белой кучею, слажу шаньгу дрожжеву...
Не отвыкнется — помучаюсь,
Да не шавкой —
доживу.

* * *

Промолчи — сойдешь за умную,
Выпей — шлепнешься в назем:
Ох, Россия неизюмная,
Мой суглинок-чернозем!
Одинокой, гордой, с придурью —
Мимо речки на базар.
Кто меня такую выдумал?
Кто косички обрезал?
Дико яблочко-то сгарчиват —
Много яблонь вдоль реки...
Две старухи на базарчике
Продают половики.

«Мой-от лучше — сбоку беечка,
У твоева дырка тут».
Можно выжить без копеечки,
Бабки сдохнуть не дадут.
Хлеб, картошка — это даром ведь,
Не пирожное-желе.
А помрешь, найдется старая
Помянуть да пожалеть.
Хоть и стрижена-юродива —
Не робей, ядрена мать!
Без любимого на Родине
Тоже можно —
Выживать.

* * *

Плюс двадцать пять. Весна наводит шухер:
Цвети, толстей, расталкивай, живи!
Сидят на лавках бабы и старухи,
Растрёкались о смерти и любви.
А в полночь точно высмотрит Лариска —
Во все суется, день прошел не зря:
«Глянь, Верку-то чужой какой-то тискат,
Бестужи рожи эти лекаря!»
Ах, лавочки — гербы смешных провинций,
Дешевое кутёночье тепло!
Побрезгуешь, и это не простится,
Сфальшивишь — заскулило и ушло.
Притихшая Лариска на балконе
Глазенки будет пучить до зари...
Моя судьба — чужому греть ладони,
Чтоб не сгореть от жара изнутри.
Ах, лавочки... Разлуки, кровь и водка,
Вина, вино — ах, дескать, я любя...
Ты только не сфальшивь, чужой залётка,
Как те, что приходили до тебя.

* * *

Я была пацанкой — тощей, длинной, с рыжей и беспутной головой,
А в соседях Гущин с тетей Ниной жили в комнатенке угловой.
Прибаутки, песни, дачи, бани — Гущину сам черт бывал не брат.
Как играл частушки на баяне! Как носил пилотку и бушлат!
Каждому — свои пути-дороги... Я ушла, кроссовками следя.
В спину мне глядел сарай убогий и забор, намокший от дождя.
Многое еще смотрело в спину...
Месяц, год. И снова, и опять.
Глядь — идет со шваброй тетя Нина, надо же кому-то убирать.
«Как живешь? Здорова ты? А Гущин?» —
«Кончилася наша вся семья: стара стала, да ишшо большушша,
Бросил Гущин, Бог ему судья. Взял соседку. Та — красива баба.
Маленька, ему-то до погон. С год уже уехали в Челябу:

С глаз долой, из сердца, значит, вон».
И пошла — широкая, большая, ни вдова, ни мужняя жена, —
Никому на свете не мешая, только как уборщица нужна.
...Не малышкам слышать слово «на хрен», пришивать оторванный рукав,
Отмывать футболки и рубахи после подворотен и канав,
Шоркать содой черный подоконник, в церкви на свечу считать рубли
И прохладной, в трещинах ладонью остужать горячий лоб земли.
Каждому — свои пути-дороги, краешки дубового креста,
И большим, и малым возле Бога равные находятся места.
Каждому — свое. Но отчего-то щиплет веки (Верка, не реви)
В мире, где большие — для работы, а малышки-крошки — для любви.

* * *

Потянет к печке в холода,
В дожди — тем паче...
Поселок Красная Звезда
Зовут Собачий.
Пусть на куличках у чертей —
Айда со мною,
Спасет от тысячи смертей
Тепло печное,
Спасут картоха и кровать
Времен Хрущева.
Все есть, чтоб жить — не выживать,
Чего еще вам?
Все есть: святые и волхвы,
Соседки-крали,
Обои редкой синевы —
На базе брали,
Щенок на улице ничей,
В снегу вороны
И тихий голос у дверей:
«Открой, не трону...»

* * *

Я читаю сказку: бабка и корыто, рыбка золотая — плавники дугой.
В кухне пьяный батя спорит с дядей Витей, будто бы у русских рай совсем другой.
Папиросой в шторке батя дырку выжег, Витя засмеялся: будет нам буза.
Мамка пилит батю: пьяница да рыжий. Нарисую бате черные глаза.
А в раю, наверно, сладкая малина, кормят шоколадом, колой, шаурмой...
Мишка тети-Танин, жирная скотина, мне кричал недавно: батя мой — не мой,
что на самом деле батя — дядя Витя, и шептались бабки кучей на крыльце:
«Ох, глаза-то черны... Сходства не ищите, нету ни в повадке, ни в самом лице».

Мама называет дядю Витю «мачо». Я раскрашу батю с головы
до пят...
А в раю, наверно, бабки не судачат, и не топит Мишка маленьких
котят.
«Провожу Витюху... Не играй у печки. Маме скажешь: пили
с дядей Витей морс».
А в раю, наверно, теплые крылечки — чтобы пьяный батя ночью
не замерз...

* * *

В мерзлоте сохраняется
Все
Неизменным и целым:
И бумага, и кровь,
И Москва, и рябая Рязань.
Ванька Каин орет
На завалинке «Слово и дело»,
Значит, слову и телу
Опять на Руси промерзать.
Грей же руки мои,
Кареглазый веселый гуляка,
Грей же слово и тело
И смейся:
«Сердечко — что мышь».
Пялит зенки на бабу
Царица престрашного зраку
Сквозь московские ночи,
Которые
Не сочинишь.
По-мужицки ты нежишь:
И мнешь, и берешь, и голубишь.
Пропускаешь сквозь пальцы
Холодный, молчащий песок.
Не ревнуй:
У меня
Под божницей Алешенька Шубин
Цесаревнину ленту
Вжимает
В разбитый висок.
Мерзнет слово и тело
Под серым, просевшим забором.
Каин тащит мешок:
Сколь натырил, вовек не снести...
Забери меня в Каспий.
В тутовник.
В бродячих актеров.
Я устала Россию
Сжимать
В онемевшей горсти.

* * *

Весна. Переулок Гастелло.
Под лавкой отопок худой,
И пахнет строительным мелом,
Опилками, талой водой.
Размыло дорогу до рынка,
Над глиной воды на вершок.
Весна. И промокли ботинки,
И жить на земле хорошо.
За рамой старушечий профиль:
Светлей починять под окном...
И как-то становится пофиг,
Что все мы когда-то уйдем.

* * *

Не значится на карте,
Заснеженный, ничей,
Лежит десятый квартал,
Глотая дым печей.
Здесь судьбы замешали
Яик да Колыма.
Цыганка в серой шали
Стучит во все дома,
Дымят бычком столетья,
Прилипшие к губе...
Не ты ли в сорок третьем
Врала на Барабе?
Пристала — шибко плохо,
Ох, порчи-то на мне...
Не лезь из кожи, цоха,
Облом — лавэ нанэ.
Десятый квартал, речка,
Опять сверну к домам...
Дешевой тонкой свечкой
Горит моя камам:
К сто первым и десятым,
К сороковым еще,
К тверезым и поддатым,
С дубленой кожей щек,
К солдатику, что сгинул,
К бабенке, что ничья.
Гори, моя лучина,
Сгорю с тобой и я:
От порчи окосею,
Цыганка не врала...
Расея ты, Расея,
Десяты квартала...

* * *

В этом теле — минимум три души, и у каждой больше семи путей.
Первой прямо в руки плывут ерши: хороша уха для ее детей.
Ей с работы мужа-губана ждать, греть ведерный чайник — с вареньем пей,
и горбатых ландышей-жеребят запрягать в тележку неспешных дней.
На святую Пасху рядиться в шелк, красоваться — в ушках блестит рыжье.
Если вдруг заявится серый волк — за беленой печкой лежит ружье.
У второй — в шатре конопля и плов, а ее слова — золотой шербет.
За нее Иаков служить готов восемь раз по восемь пастушьих лет.
Запоет псалмы — и заплачет полк: рядовые — Сим, и Яфет, и Хам.
Ей не страшен даже тамбовский волк — слушать песни ляжет к ее ногам.
А у третьей — кинь, и выходит клин, вместо крыш и лавок — одни горбы.
Ей в ладони плачет пяток рябин и дубок у крайней кривой избы:
за живых и тех, кто уже ушел, за Васятку — мать заспала мальца, —
за Степана с заворотом кишок, за Никиту — он заменил отца.
Все бы славно, если б не три по сто, а потом пивка, а потом базлать.
Третьей слышать: «нету для вас местов», «убирайся», «дурочка», «не со зла»...
Третьей — с детства спать на краю крутом: у дощатой стенки сопит сестра.
Серый волк-волчок залезает в дом, под лунищей шкура его пестра.
Это сон, а может, лихая явь: подойдет и сцапает за бочок...
Ты вот эту девочку — не оставь. Ей не выжить, если придет волчок.

* * *

Давай-ка, мой хороший, по одной — за нас, дурных, а больше бы не надо...
Моя страна натянута струной от Сахалина до Калининграда.
Сейчас в нее распахнуто окно, там огоньки, далекий лай собачий.
Не виноваты водка и вино, что мы живем вот так, а не иначе.
Вот так — не отрываясь от страны, гитарно-балалаечного гула...
Играй «Хотят ли русские войны» и «Журавлей» Гамзатова Расула,
Играй, страна!
Добавь смешной тоски:
Артек, Гагарин, Жуков, батя юный...
Да, мы совки.
...а дети на совки
В песочнице натягивают струны.
Давай еще — и по последней, ша! За Родину, натянутую туго.
За каждого смешного малыша.
За то, что все же держим мы друг друга.
Да, перебрали. Улицы страны дрожат струной, неровные такие...
Споем «Хотят ли русские войны», чтоб слышали Берлин, Париж и Киев?
Живет страна, пока живут совки: смешные дети, мужики и бабы.
А Господу — подтягивать колки, стараясь, чтоб не туго и не слабо...

АНДРЕЙ МОЛЧАНОВ

ФОРПОСТ

РОМАН

Кирьян Кизьяков. XX век. Конец пятидесятых

Со смятенной душой уходил Кирьян в армию, как ни успокаивал себя, как ни настраивал на лучшее. Слухи о тягостях армейских будней, об особой придирчивости командиров к новичкам витали на каждом углу, находя тем самым подтверждение их несомненности. Даже воровская братия, навестившая его перед отправкой на призывной пункт, качая головами и усмехаясь, утверждала, что их юному собрату Арсению в зоне живется куда вольготнее, нежели юзачуханным салагам в краснознаменных казармах. Выбор между тюрьмой и армией конечно же существовал, но только не для него. *Вера* говорила твердо и определенно: от испытаний не уклоняются, ибо они — от Бога.

Даша, отпросившись с работы, пришла попрощаться, принесла связанные ею теплые шерстяные носки, узелок со снедью в дорогу. Ни слез, ни причитаний себе не позволила, лишь перекрестила, поцеловала в губы крепко, сказав:

— Все у нас с тобой получится. Перетерпим. За меня — не сомневайся ни в чем. Тебе предназначена, твоей и буду.

Вместе с Кирьяном призывался и ровесник его Федя, совершенно раздавленный страхом перед грядущим. Кирьян ободрял товарища как мог, однако напрасно — тот словно забился в раковину мерещившихся ему кошмаров, замуровавшись в ней изнутри.

Переживания за судьбу своего единственного друга, безропотного ко всякому злу, не способного за себя постоять, наполняли душу Кирьяна беспомощной тоской.

На призывном пункте, похожем на арестантский загон, их уже ожидали «купцы» с погонами. Федю тут же определили в строительные вой-

Продолжение. Начало — № 7.

ска, а Кирьяном отчего-то заинтересовался молодой и строгий лейтенант-пограничник, дотошно выспросивший о семье, интересах и планах на будущее. Разговор зашел о таежных навыках призывника, о его знании оружия, и уж тут-то Кирьян лейтенанта не разочаровал. Слушал тот его с интересом, а после подвел итог:

— Ну, ты определенно подходящий экземпляр, собирайся...

Вечером проплыли в сутолоке путей, паровозов, вагонов, заводов и бесконечных труб столица области и прилегающие к ней промзоны. Поезд нырнул в закопченный тоннель, свистнул гудком, из форточки ударило жженым угольным запахом, вспыхнул неровный свет в купе, и Кирьяна захватило волнующее чувство дороги.

А спустя несколько дней он оказался в учебной роте погранвойск на китайской границе. И, к великому изумлению своему, никаких напастей в армейской службе не обнаружил. Все в ней для Кирьяна было согласно с его натурой и до конца понятно. Ранний подъем был для него не таким уж и ранним, физические нагрузки, к которым привык сызмальства, виделись шалостями, а однообразие быта легко скрашивалось тем, что неотъемлемо существовало в нем самом: воспоминаниями о Даше, о всем радостном, что было в жизни, о любимых героях книг, с кем он соразмерял себя... В нем таилось много миров, и в каждый лежала открытая дорога, и в них он легко укрывался от всякой скуки. Кроме того, его окружали новые люди, чьи характеры и чаяния стоило осмыслить.

Ничем не ущемила его армия, хоть грубости, глупости, чванства и приспособленчества в ней хватало с избытком. Но проявления этих мелких человеческих страстей он отметал от себя, как наносную шелуху, хотя пороки и достоинства каждого отмечал и запоминал крепко.

Немногословный, опрятный, исполнительный, не получивший ни единого замечания в учебной роте, он был рекомендован взводным в школу сержантов, но сумел отказаться от зачисления в инкубатор младших командиров, отринув будущие блага лычек, но зато избежав нудной муштры и протирания штанов за партой в четырех стенах. Этого ему с лихвой хватило в классах прежнего образовательного заведения.

Он торопился скорее покинуть казарменную выхолощенную атмосферу порядка и распорядка, не дававшую дышать полной грудью и будто отвергавшую все вольное и живое, что лежало вне пределов ее застойного пространства. Кирьяна влекла настоящая служба, наполненная живым содержанием и практическим смыслом, где встреча с новым и внезапным оказывалась правилом, а не исключением и где была возможность сотворчества или же столкновения с силами и обстоятельствами, способными утвердить его личность, а не превратить в тупой и ограниченный механизм.

Его послали, видимо оскорбившись отказом выйти в первачи, на самую дальнюю заставу в тайге, располагавшуюся рядом с поселком, являвшим скопище десятка еще дореволюционных бараков, где некогда обретались ссыльные, а ныне ютились какие-то замшелые личности, перебивавшиеся Бог весть чем.

Впрочем, бытие на задворках цивилизации его не смущало, да и смутить не могло. Он оказался в привычном, до мелочей понятном ему мире, разве с иными условиями проживания и родом занятий.

Поздним вечером, по прибытии на заставу, представился командиру, тот отправил его к старшине за бельем, а после оказался Кирьян в помещении казармы, а точнее сказать — спальни. Просторная, с чисто вымытыми полами, с пестрыми ватными одеялами, неуставными пухлыми подушками в изголовьях, она поразила его каким-то вызывающим несоот-

ветствием всей философии уже познанной им армии с ее воинствующим отрицанием какого-либо комфорта.

— Стараемся жить по-людски, — донесся из-за спины голос старшины. — Служба тут не зефир с мармеладом, но койки у нас — как в санатории... Сменные ребята в соседней комнате придавливают, другие на службе, так что осваивайся сам.

Проснулся Кирьян от ударивших в сознание звуков неясной природы, донесшихся извне: то ли от возбужденного клекота, то ли от надрывных воплей. Выглянул в окно. Сбоку от дома, на подсобном сарае, уцепившись когтями в желоб водостока, сидели, свесившись с него, две сороки, восхищенно обсуждая между собой драку двух котов, происходившую прямо под ними, у стены сарая, и сопровождавшуюся яростными завываниями, шипением и плевками.

Это была настолько неожиданная, исполненная деревенской безмятежности картина, что он расхохотался невольно, но тут же и оборвал смех: в спальню, расстегивая ремни и гимнастерки, входили солдаты.

Короткие, изучающие взгляды усталых глаз, вопрос рослого, белобрысого сержанта:

— Новенький? Очень хорошо! Сегодня на картошке, завтра — дневальным по конюшне. Инструктаж — по ходу пьесы.

Вмененные Кирьяну обязанности ничего уничижительного в себе не содержали, соответствуя графику всеобщих повинностей. «Дедовщины» на заставе не было в принципе. Здесь каждый не расставался с оружием, здесь дорожили товарищем и его рабочими руками, а круглосуточные хлопоты по общему хозяйству исключали неограниченность привилегий по выслуге лет. Конюшня, свинарник, курятник, сеновал, картофельные грядки, вольеры с собаками требовали неусыпного внимания и ухода. Личное же благополучие зависело от одного: от добросовестности и стойкости — а подобных качеств Кирьяну было не занимать.

В небольшом, скученном коллективе в людях разбираются быстро. И уже спустя неделю Кирьяна безоговорочно признали полезным и необходимым человеком. Его сослуживцы — выходцы из Центральной России, из ее больших городов — тут же уяснили и его первенство в знании окружавшего их мира тайги. В отличие от него, они не умели добывать зверя, пугались незнакомых чащоб, не ведали пользы многих корней и трав и даже не понимали, что в добыче кабана или медведя старенькое охотничье ружье с надлежащей пулей куда основательнее, нежели скорострельный автомат, предназначенный для убийства самого опасного хищника на земле — человека. Да и что за толк от автомата на охоте в тайге? Пули прошивают зверя, как иглы, и он уходит, а рикошет от деревьев такой, что собственный свинец тебя же и накажет.

Написав родителям Федора, он получил номер его полевой почты, отправил другу весточку, а спустя месяц получил ответный замусоленный треугольник солдатского письма.

Содержание письма было кратким, бесцветным — никаким, словно написанным в расчете на цензуру, но веяло от него такой безысходностью и затравленностью, проступавшими между строк, что с горечью уяснил Кирьян: изломает армия Федю, согнет в рог бараний. И как тут помочь? Только молиться за него.

С другой стороны, и недоумевал Кирьян над возможным прозябанием Федора, представляя его здесь, на заставе, и никаких противоречий между ним как личностью и здешней обстановкой не обнаруживая. Или есть армия, где все иначе? Наверное. Страна-то большая...

Свое Православие, обжегшись, напоказ не выставлял, крест зашил в воротник гимнастерки, а ко Всевышнему обращался в нарядах, полагая, что церковную сень ему вполне заменяет ночное чуткое небо. Вскоре его едва ли не насильно приняли в комсомол.

Малочисленная застава прикрывала огромный отрезок границы, и не было на нем ни контрольно-следовых полос, ни сигнализации, ни дорог. Передвигались по тропам на лошадях, выискивая следы нарушителей, мерзли в засадах и честно несли службу, хотя любой злоумышленник, имей он самые примитивные навыки жизни в тайге, легко бы мог проникнуть в просторы Страны Советов. Только в какие просторы? В буреломы, тянущиеся до тундры? Можно было добраться и до близлежащего города, но всякий незнакомец там тотчас попадал на заметку.

Всерьез пограничников беспокоили корнекопатели, рыскающие по чащобам в поисках особо ценных лекарственных растений, и охотники за пантами маралов, вооруженные снайперскими винтовками, способные отчаянно и бескомпромиссно постоять за свободу своих браконьерских устремлений.

Так или иначе, но свою службу ни в коей мере провальной или показной Кирьян не считал, уяснив ее цельный государственный смысл: враги по ту сторону границы знали, что на ее рубежах находятся люди с оружием, готовые его применить, а значит, пределы земли стережет хозяйский глаз. Из этого следовало: дом, дышащий силой обороны, охлаждает пыл врага, и богатство дома, как и всякое богатство, должно уметь себя охранить. Что было вполне применимо к нему, уверенному в будущем собственном доме, полном добра, покуситься на которое он не позволит никому.

Из каждого случая и наблюдения он извлекал для себя вывод, соразмеряя его со своим видением жизни и строя тем самым ту личность, чья уже устоявшаяся основа непринужденно отвергала все ложное, суетное и временное. Он готовился жить всерьез.

Спал по-прежнему мало, не более четырех часов, времени хватало и на уход за собой, и на письма родным, к которым он в первую очередь причислял Дашу, одновременно негодуя на себя за умаление при этом отца и матери. По прошествии же долгой и снежной зимы на заставе началось оживление: пожаловали проверки из окружного управления. Сначала проверяли оружие и боезапас, после принялись за ревизию хозчасти.

Приехавший пузатый, краснорожий майор первым делом полез проверять щупом уровень остатка солярки в главной цистерне. Солярку командиры застав экономили: некоторые про запас, на каверзы будущей зимы, другие продавали горючее налево. В любом случае обнаруженный излишек грозил выговором и урезанием будущей нормы.

Излишек в цистерне, конечно, имелся, а потому с вечера в нее погрузили табурет с привязанными к ножкам гантелями. Таким образом, щуп, упираясь в него, показывал требуемую величину стратегического дизтоплива.

Майор вздрючил старшину за перерасход тушенки, износ валенок, указал на недопустимость содержания в боевом подразделении котов и, отдав приказ повесить в Ленинской комнате, именуемой солдатами «молельней», плакат с фотогалереей членов Политбюро, заменявший красноугольную икону, отбыл, показав власть, восвояси. Старшина же, получивший от командира сутки отдыха за моральный и аморальный ущерб, отбыл отсыпаться домой.

Следующий визит на заставу нанес окулист, совмещающий роль терапевта, а также стоматолог, должный осмотреть личный состав, запломбировав поврежденные зубы.

Станок стоматолога был предназначен для сверления надлежащих отверстий даже в полевых условиях, имея для такой задачи механический привод, исполненный на основе велосипеда со складной рамой и капитальными обрезиненными педалями. Кирьяну была поручена роль фельдшера и одновременно водителя установленного на подпорках велосипеда.

Крутя педали под душераздирающие крики сослуживцев и мат стоматолога, увещевавшего воинов слегка потерпеть, ибо новокаина на них не напасешься, Кирьян размышлял о несовершенстве фискальных забот начальства, воплощавшихся перед ним наяву...

— Накатался? Хватит! — оторвал его от дум голос командира. — Дуй в поселок, разбуди старшину и хиляй с ним на пару к «соседям» на предмет взаимодействия...

Приказ означал протопать долгим путем на стык с территорией соседней заставы, неся в планшете «Книгу пограничной службы», где ежемесячно отписывались командиры о своей обязательной встрече, должной быть посвященной выработке планов совместных действий.

Командиры, успешно связывающиеся между собой по рации, данной формальностью пренебрегали, посылая за надлежащими расписками посыльных.

Поселок располагался в полукилометре от заставы, и, помимо потомков бывших каторжников, жили там офицеры с женами. И те и другие пробавлялись натуральным хозяйством. Многие держали пасеки — дефицитный сахар полностью уходил на самогон.

Старшина, с кем Кирьяна связывали отношения дружеские, был мужиком основательным, хозяйственным, общий язык они нашли сразу, но дом товарища рядовой Кизьяков старался без нужды не посещать: свободное время тот проводил в тихом пьянстве, вызывавшем у Кирьяна чувство скуки и презрения.

Впрочем, помимо бытовых хлопот, иных развлечений у местных старожилов попросту не существовало. Они прозябали на отшибе империи, на земле, не способной дать урожай из-за короткого лета, на пятачке, отвоеванном у чащоб, где не было приволья скоту, а иные города и веси были для них враждебны, чужды и гибельны.

Опухший со сна старшина, встретивший Кирьяна босым, в одном исподнем, со стонущими охами принял от него планшет, пистолет и начал собираться в дорогу: упаковал в вещмешок сало, флягу с чаем, хлеб, лук и... заботливо обернутую портянкой бутыль неопределенной емкости с мутным самогоном.

— Вчера переборщил, — покаянно объяснил сослуживцу. — А если без опохмела в дорогу, это настоящая смерть выйдет, деваться тут некуда...

Во дворе службистов уже поджидала оставленная Кирьяном овчарка Джулия, дисциплинированно сидевшая у калитки.

Тронулись в долгий путь. Пройдя километра три, старшина, изрядно упревший, остановился и, расстелив плащ, присел отдохнуть. Задумчиво глядя в пасмурное небо, вынул пробку из заветного сосуда и, совершив долгий глоток, рассудил мечтательно:

— Доберемся, положим, к вечеру... Да и куда спешить? Переночуем. А там деревенька рядом толковая, пополним запас горючего...

— Капитан велел, чтобы за день управились... — угрюмо вставил Кирьян.

— Да сколько я этих капитанов видел! — сказал старшина нараспев. — И всяких там майоров... Они же как? — Последовал новый глоток. — От-

барабанят здесь свое — и в окружное управление. На повышение. Или еще куда... У них и квартирки в городах припасены, и льготы насчет госпиталя, коли хвороба на пенсии прижмет... А мы тут как кувалдой вбитые. Навек. Так что капитана я уважаю, но... Мало ли, в чем задержка? Скажем, собака наколола лапу. Несли, скажем, на руках...

— Так ведь проверят...

— Это да... Тут можно подставиться. Ну, скажем, ты подвернул ногу, вот!

— Почему это я?

— Потому что такой приказ старшего, — возвышая ноты в голосе, произнес старшина, но затем помягчел. — Ладно, пусть я подверну, черт с тобой, трус...

Помолчали, сидя в дикой траве, глядя на рассыпавшиеся по горизонту приземистые горы, на далекие кроны сосен, трепещущие под ветром, гуляющим по бескрайней, насколько хватало взгляда, тайге.

После двинулись дальше. Внезапно старшина остановился. Поразмыслив, сказал:

— Болотина впереди... Пройти, конечно, можно, но раздеться придется: изгваздаемся. Предлагаю — в обход, а там срежем маршрут по диагонали. Даже короче выйдет. Теоретически.

Кирьян равнодушно пожал плечами, поправив ремень автомата. Здешних мест он не знал, полагаясь на опыт старшего товарища.

Углубились в чащобу.

Старшина, следуя по каким-то известным ему приметам, лавировал между завалами павших деревьев, прикрываясь плащом, ломился сквозь свисающие ветви, напевая себе под нос нечто бравурное.

Напев задумчиво оборвался, когда у корня вековой сосны пограничниками увиделся чужеродный предмет происхождения явно искусственного, а именно клочок бумаги. Это был мятый листок, испещренный иероглифами, вырванный из печатного издания и весьма целесообразно использованный, ибо рядом с ним в траве высилась внушительная куча дерьма.

— Нарушитель, — констатировал Кирьян тупо.

— Да, это не представитель мирной фауны, — сказал старшина. — Консистенция стула характерного свойства... — Сорвав лист с куста, обернул им уголок бумаги, подняв его с земли, пошевелил губами, будто старался прочесть текст. Доложил Кирьяну: — Видимо, какая-то инструкция, формат карманный...

— И что делать?

— Бумага тонкая, шелковистая, иностранная — точно... — продолжил старшина. — Что же... Надо выполнять долг! Джулия! — Сунул бумагу под нос любопытно потянувшейся к ней собаке. — След!

Овчарка, понюхав печатную продукцию, вздрогнула в рвотном спазме и тут же бросилась в недра тайги. За ней поспешили, спотыкаясь и падая на отгнивших стволах и ветвях, обуреваемые жаждой захватить неприятеля, преследователи в зеленых фуражках.

— Поводок ей прицепи! — хрипел старшина.

— В планшете он, под книгой!

— Наряд у меня получишь, болван! Два получишь!

— А кто команду собаке без поводка давал?

— У, дьявол, чуть глаз веткой не выстеклил!

Этот раздрызганный бег через буреломы, низины и редкие проплеши продолжался, казалось, вечность, пока мелькавшая вдалеке черно-рыжим

пятном собака не остановилась, грозно рыча. И тут взорам бойцов открылась картина внезапная в своем идиллическом воплощении: на краю небольшой полянки на цветастой матерчатой подстилке сидели двое людей с фаянсовыми кружками в руках. Из кружек торчали деревянные палочки. Люди настороженно смотрели на скалившуюся собаку.

Пока Кирьян пристегивал поводок к ошейнику, старшина, дружелюбно покачивая пистолетом, приблизился к нарушителям.

Это были китайцы, пожилые женщина и мужчина, одетые в лохмотья, тяжелую, истоптанную обувь, с грязными, спутанными шевелюрами и задубленной кожей плоских, невыразительных лиц.

Китайцы довольно спокойно перенесли как личный обыск, так и обыск своих котомок, набитых корнями. Из кармана куртки мужчины старшина извлек книжицу в красном переплете, увенчанном золотым тиснением лика китайского вождя. Произнес разочарованно:

— Талмуд ихний... — И укоризненно поведал китайцу: — Что же ты, братец, так неуважительно с директивами... — Затем, отправив брошюру в планшет, добавил уже в сторону Кирьяна: — Бумага подходящая, не грех и себя побаловать.

Неожиданно китайский мужчина заговорил. Он говорил оживленно, манипулируя руками, и голос его звучал доверительно и дружелюбно, однако стражи границы, пялившиеся то на него, то друг на друга, не понимали ни слова. Уяснив непреодолимость филологического барьера, китаец обратился к языку жестов. Жесты были незатейливы, неторопливы, отчасти откровенно похабны, однако понимались безо всякого труда. Китаец предлагал доблестным воинам воспользоваться прелестями его подруги в обмен на свободу своего дальнейшего передвижения.

Подруга, вдумчиво наблюдавшая за процедурой общения сторон, широко и искренне лучилась всеми морщинами своего подкопченного от костров лица, выказывая явную симпатию оторопевшему статному старшине, задумчиво почесывавшему нос дулом пистолета. Женщине было явно за шестьдесят, и ей не мешало бы навестить стоматолога.

— Во чего удумали... — сказал старшина, сдвинув на затылок фуражку. — А ведь живут в коммунистической стране... Хотя... — Он повернул к Кирьяну мужественное, неумное лицо. — С китайской женщиной было бы интересно, как думаешь?

— Сифилис — одно из популярных заболеваний в сельской местности Китая, — поспешил уберечь от греха Кирьян старшего по званию.

— Это, конечно, серьезно останавливает...

Решительно передернутые затворы оружия пресекли договорный процесс, и нарушители, ведомые суровым конвоем и радостной Джулией, тронулись в тайгу. Тут Кирьян заметил некоторую неуверенность в поступи старшины, то и дело крутившего по сторонам головой.

— Чего, сбились? — спросил настороженно.

— Собака сильная, ходкая, напетляла, а мы за ней... — донесся неуверенный ответ. — И солнца сегодня нет, того и гляди — дождь...

— Я дорогу не запоминал...

— Вот и зря, так пограничник не поступает!

— Там просвет какой-то...

— Точно, туда нам...

Они вышли на какую-то неведомую пустошь, волшебно распахнувшуюся перед ними своим безлесым простором, и, словно попавшие в иной мир, увидели вдалеке трактора и множество людей в одинаковой одежде, с лопатами, усердно копавших землю под будущее, видимо, поле.